

ДОКТОР НАУК М.М. ВАСИЛЕВСКИЙ

(Воспоминания Ю.П. Масуренкова)

Обратившись к воспоминаниям о расцвете российской науки о вулканах, связанным с Институтом вулканологии ДВНЦ АН СССР в конце XX столетия, я не мог пройти мимо такой яркой фигуры как Михаил Михайлович Василевский, бывший долгие годы сотрудником в качестве заместителя директора и заведующего лабораторией.

Естественно, что я в первую очередь обратился к многочисленным сайтам нынешнего Института вулканологии и сейсмологии ДВО РАН, чтобы освежить в памяти некоторые формальные детали. Но практически я ничего этого там не обнаружил, кроме сведений о том, что с 1971 по 1974 гг. М.М. Василевский заведовал музеем в Институте, в 1975 г. была создана под его руководством лаборатория полезных ископаемых и прогноза рудоносности вулканогенных формаций, а в 1983 г. в связи с его смертью сотрудники этой лаборатории были переведены в другую. Тогда я прибег к помощи ещё более многочисленных материалов (просмотрено более 650 сайтов по запросу: «М.М. Василевский») в поисковой системе «Яндекс». Картина оказалась ещё более удручающей. Искомый объект в единственном (!) числе представлен там в сайте «Картинки» среди множества других картинок в виде фотографий книжных обложек двух научно-популярных и одной научной книги, а именно «Структуры разрушения и прогноз рудоносности», «Рождённые в огне...» и «Вулканизм, пропилитизация и оруденение». И это преподнесено как реклама продаж подержанных книг букинистическим магазином.

Всё это показалось мне крайне несправедливым, вовсе не заслуженным таким крупным учёным, каким был Михаил Михайлович Василевский. Здесь я постараюсь в меру своих возможностей воздать должное ему в том ракурсе, который мне был доступен и который кажется мне наиболее интересным и наиболее соответствующим его образу.

Это была фигура совершенно неординарная. Во время его появления в Институте он представлял собой крупного мужчину лет сорока с небольшим, но уже несколько тучноватого. Однако не от дефицита движений, а, скорее, от врождённой предрасположенности, так как при этом был спортивен, мускулист, энергичен. Он основательно изнурял себя физическими нагрузками: гири, эспандеры, и, конечно, лыжи в течение восьмимесячной камчатской зимы. И духом – живой, самоуверенный, властный, беззастенчивый, насмешливый, остроумный, категоричный.

Крылатая фраза, высказанная крупным учёным одному человеку: *«Не старайтесь казаться умнее других»* – совершенно не подходила к Михмиху (так называли его за глаза), потому что он действительно был умнее если не всех других, то определённо очень многих и даже, несомненно, подавляющего большинства. И ему не всегда удавалась скрывать свой ум и оригинальность либо под напускным цинизмом, либо под забавным юмором.

Я был знаком с ним ещё с 1964 года, когда представил свой доклад по мало интересующему Василевского вопросу на Вулканологическом совещании, проведённом в Петропавловске. После доклада в кулуарах Михаил Михайлович ехидно прошёлся по какому-то положению доклада, и мы перекинулись с ним хлёткими колкостями, впрочем, и юмористическими, и ядовитыми. И это настроило нас на уважительно-благосклонное отношение друг к другу. А в пору Михмихова замдиректорства отношения у нас были вполне корректными и даже дружелюбными.

Своё появление в Институте Михаил Михайлович ознаменовал громким и трагикомическим заявлением: – *Прошу всех хорошо запомнить, что когда я буду приглашать к себе на ковёр, из-под двери моего кабинета будет рекой хлестать кровь провинившихся!* – Разумеется, это были лишь слова, и никаких драконовских мер к провинившимся он решительно не предпринимал. Более того, был, как и многие другие руководители, скорее покладистым и помогал своим сотрудникам,

независимо от их степени усердия и талантливости. Поэтому среди собранных им в своей лаборатории соратников присутствовали всякие, и всякие защищали диссертации.

Нас довольно часто назначали экзаменаторами для сотрудников, сдающих кандидатский минимум по специальности. На этом поприще мы были довольно либеральны, но откровенного пренебрежения к предмету не терпели. Так, например, нами была дружно провалена одна из претенденток на кандидатский минимум, не проявившая элементарных знаний и уважения к узаконенной процедуре. Урок пошёл ей на пользу: она и выучила предмет, и так вникла в суть геологических проблем, что в конце концов защитила не только кандидатскую, но и докторскую диссертацию.

Одной из следующих экзаменуемых выставляемую оценку Михаил Михайлович сопровождал фразой: – *За такие очаровательно пухленькие коленочки можно было ставить пятёрку даже и без ответа на наши каверзные вопросы.* – Впрочем ответ не нуждался в поддержке со стороны коленок, но Михмих просто не мог удержаться от восторженной оценки женских прелестей претендентки.

Однажды он увидел у меня только что приобретённую книгу Джеральда Даррелла. То ли что-то из его автобиографической трилогии о зверях, родственниках и семье, то ли «Под пологом пьяного леса» (не помню). Он немедленно, хоть сам я её ещё не успел даже пролистать, попросил её для прочтения, мотивируя свою просьбу тем, что я всё равно сегодня уезжаю в отпуск, и там мне якобы будет не до неё. Естественно, я отдал книгу просителю, и больше её никогда не увидел. По возвращении из отпуска и при случае я напомнил Михмиху о книге, на что услышал: – *Я так с нею сжился, что не могу вернуть её вам.* – Это был беззастенчивый, но остроумный выход из положения, в которое он попал. Разумеется, он не мог её вернуть мне не потому, что сжился с ней, а потому, что её у него уже не было: кто-то, вероятно, так же, как и он, увёл её от него навсегда.

Вообще же Михмих очень любил крылатые выражения и умело ими пользовался. Так, например, одним из наиболее употребительных было: «*Фактура стёрлась, но впечатление осталось*» – Оно применялось, когда у говорящего по факту сказать было нечего, а отношение к обсуждаемому очень хотелось высказать.

По специальности Василевский не был вулканологом, но весьма успешно занимался геологией Камчатки и, в частности, вопросами рудообразования, что приближало его к проблемам вулканизма. Будучи во ВСЕГЕИ, институте, курирующим геологов-производственников, он хорошо был знаком с условиями полевой геологической работы. Этого оказалось достаточно, чтобы пригласить его на освободившееся в Институте вулканологии кресло замдиректора. К тому же докторов наук в то время в Институте было очень немного.

Для начала он организовал обязательные отчёты сотрудников о проведённых ими полевых работах с предъявлением полевых дневников, карт, схем и образцов горных пород, чем привёл либеральную публику молодых специалистов, развращённых бесконтрольным самоуправством, в негодование. Но подчиняться должному порядку их всё же заставил. И с его лёгкой руки процедура приёмки полевых материалов возникла и укоренилась.

И всё же его существование в вулканологии, похоже, было для него не очень комфортным: не существовало методов и способов для эффективного проявления того багажа знаний и опыта, которым он владел в области рудообразования. В то время началось повальное увлечение геологов кольцевыми структурами, и Михаил Михайлович тоже попытался приобщиться к выявлению и истолкованию места и роли таких структур в геологии, а следовательно, и вулканизме Камчатки. Создаваемые им и его сотрудниками карты походили на средневековые кольчуги, состоящие сплошь из сцепленных колечек, густо и почти непроницаемо покрывающих всю земную поверхность. Это был явный перебор, естественно не приведший ни к какому сколько-нибудь положительному и тем

более эффективному результату. Думаю, что сам Михмих вскоре понял это, что не могло не привести его в конце концов к пессимистическому настрою.

Считая М.М. Василевского одним из умнейших людей Института и, безусловно, самым эрудированным геологом, я отдал ему для ознакомления свою докторскую диссертацию: мне интересно было его мнение. Через два-три дня Михаил Михайлович буквально ворвался ко мне в кабинет с выпученными глазами и совершенно восторженным отзывом, который он тут же выложил очень эмоционально и в исключительно возвышенных словах и выражениях. Это было нечастое событие в нашей среде: восторг одного учёного от результатов творчества другого, столь открыто и самозабвенно высказываемый - явление, можно сказать, уникальное. Далеко не всякий способен на такой подвиг. И более того: здесь же категорическое утверждение, что в таком виде защищать работу ни в коем случае не следует: не поймут, осудят и провалят. Открыто радоваться успеху другого свойственно только талантливым людям.

Но через несколько дней написанный Михмихом отзыв был уже причёсан до вполне стандартного и пристойно положительного уровня без всяких там восторгов, хвалебных гимнов и рекомендаций – сработал принцип общественного лицемерия: в приличном обществе негоже выделяться среди других и следует быть столь же приличным, как и общество.

Почти сразу же по прибытии в Институт Михаил Михайлович обзавёлся своей лабораторией рудного профиля, где среди прочих занял место и один из самых толковых геологов Института и всей Камчатки Анатолий Иванович Байков. Жаль его – рано умер. А сам Михмих проработал в Институте ещё немало лет, пока смерть тоже ни прервала его отношения с жизнью. Это произошло так.

Незадолго до этого трагического события мы встретились с ним на лыжне у подножия Авачинского вулкана. Она произошла у кем-то разведённого и оставленного кострика, у которого захотелось посидеть и нам с Михаилом Михайловичем. Он был несколько необычен: ни тебе свежего анекдота, ни весёлых проклятий в адрес нечестивцев и бездельников, ни подтруниваний, а какая-то тихая отрешённость и не то чтобы печаль, а отсутствие удовольствия на лице. Я осторожно стал расспрашивать: что нового, как дела, семья и прочее, и вообще. А жил он, надо сказать, почти постоянно один, жена, очаровательная, даже роскошная молодая женщина, лишь изредка навещала его холостяцкую квартиру, постоянно проживая в Питере. Сам он тоже для общения время от времени наезжал туда. А здешняя квартира его была неудобной, заваленной и захламлённой спортивными снарядами и атрибутами да пустыми бутылками от спиртного. Выпивка у Михмиха была одним из существенных способов украсить свою жизнь. В частности он сказал тогда:

– Что-то, Юрий Петрович, последнее время как-то всё вокруг будто померкло. Ничто не радует, не возбуждает, не тонизирует. Работа осточертела, тлен всё это и серость. И даже выпивка не поднимает настроение. Раньше от одних приготовлений к ней уже становилось весело, а теперь и стакан водки не приносит того, что так хочется вернуть. Вот и сейчас - лыжи, снег, солнце, а мне уж и домой охота. – Как и до встречи, пошли дальше врозь: я бодро помчался к вулкану, размышляя о странном состоянии коллеги, Михмих вяло побрёл вслед. Через некоторое время – сообщение в Институт из Питера: М.М.Василевский скоростно скончался в гостинице.

В этой приведённой только что по памяти записи что-то меня смутило. Обратился к своим забытым и заброшенным ежедневникам, и за 17 января 1981 г. нахожу запись: «В 11-45 стал на лыжи (старые) и отправился при сносном скольжении, ярком солнце и белом снеге к вулканам. Очень хорошо шлось, но всё же болело сердце. Впервые ел таблетку валидола на лыжне...Встретил Василевского, который так и не явился за лыжами. Дальше шли вместе. Он щебетал за спиной и шумно восхищался окружающим. Устал довольно сильно. Прошли 35 км. Ходил 4,5 часа. После лыж спал и опять болело

сердце. Весь вечер. Надо идти к врачам! Не хочется валиться – ещё так много прекрасного ожидает впереди».

Здесь же пониже 16 II 81 добавлено: «Это была последняя встреча с М.М. Он сказал: – Загорать будем в марте, дожить бы только!»

А в соответствующем месте от 16 февраля следующая запись: «В ночь на 14 II 81 умер в Ленинграде М.М.Василевский. А день рождения у него 7 марта – было бы 52 года. Просто чудовищно! Вспоминаю последнюю с ним встречу на втором ручье по пути к Бомбёжному полю. Сидел курил у костра туристов. Увидел меня, деревянные лыжи на мне и обрадовался. Пригласил посидеть. На вопрос, почему не пришёл за лыжами, сказал: – Боялся, что откажете, и я поеду в Ленинград с плохим настроением. – Предложил дальше пойти вместе. Обычно ходил быстро, а тут шёл вслед за мной и не торопился. Потом остановился и сказал, что дальше не пойдёт – хочется позагорать. А я пошёл дальше с болью в сердце и мыслями о том, что если кто и не доживёт до марта, то это буду я. Потому что он сказал, что настоящий загар будет в марте, но дожить бы до него! Что он чувствовал, что думал, надеялся ли на что? Мечтал о пластиковых лыжах и рассказал, как ему пообещали достать их по его возвращении из командировки. Не вернулся, а лыжи, наверное, ждут его».

Вот так реальность, запечатлённая в дневнике, претерпела некоторые изменения в последующих воспоминаниях, но кое-чем и дополнилась в них, в частности, некоторыми очень существенными деталями разговора, не отражёнными дневниковыми записями. Это почти как в крылатой фразе Михмиха о фактуре и впечатлении. Последнее, нивесть как и чем (или кем?) формирующееся, может даже для чего-то изменить (или подправить?) саму фактуру, что произошло и в случае с нашей заключительной с ним встречей. Зато теперь, надеюсь, в Институтском «мартирологе» будет запись и о Михаиле Михайловиче Василевском, где присутствует и впечатление, и фактура, отражающие в меру своих предназначений бывшую реальность.

Ю.П. Масуренков, 20 августа 2018 г. Обираловка